

ДИАЛЕКТИКА ДУХОВНОГО И ТЕЛЕСНОГО В ГЛОБАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Жизненный путь каждого человека противоречив и загадочен. Квинтэссенцией таинства жизни служит безмолвие смерти. Исторический опыт XX столетия вплотную приблизил нас к разгадке этой тайны, обнажив в глобальных проблемах современности реальность смертного часа всего человеческого рода. Апокалиптические видения эпохи Средневековья вновь возрождаются в миропереживании нашего времени, но уже в достаточно убедительном облике конкретных обобщений и прогнозов современной науки.

Эта близость человечества к могильному мраку, к пустоте неведомого и зловещего, может стать источником самых непредсказуемых, массовых психопатических действий людей, когда человек вместо концентрации своих сущностных сил в утверждении собственной свободы отдает право выбора на волю случая, на произвол внешних обстоятельств. Если человек действительно предназначен к свободе и выбору, то именно «эксперимент Смерти» должен подтвердить или же начисто опровергнуть эту гипотезу современной цивилизации. Провозгласив реальность наших прав на свободу, мы должны также признать и подлинность нашего выбора своей «за-

гробной» судьбы, реальную раздвоенность «загробного воздаяния».

Действительность данного раздвоения находит свой бессознательный отклик в ценностных устремлениях нашего духа. Так, нигилизм, отрицая какой-либо смысл в мире, утверждает бессмысленность и жизни и смерти, тогда как конформизм признает единственный смысл лишь за жизнью и полную бессмыслицу смерти, а аскетизм видит подлинный смысл в загробном существовании, не замечая собственных значений наличного бытия. Разумное восприятие мира, предполагая целостную, многоплановую его проекцию, всегда стремится уйти от односторонних оценок. В этом плане наиболее разумной выглядит позиция реализма, признающего раздвоенность, противоречивость и жизни и смерти, действительность нашего выбора между смыслом и бессмыслицей как в жизни, так и в смерти. Подобное воззрение полагает, что «смерть» в своем «смысловом» воплощении близка подлинной сути нашей земной жизни, аналогична ей, является «загробным ликом» ее разумной действительности, выступает ее продолжением и углублением, усложнением и развитием.

Своеобразие этого загробного продолжения нашего Земного пути намечается логикой реализации предшествующей стадии жизненного цикла, последовательностью важнейших шагов в осуществлении наших земных деяний. Определяющие черты данного движения задаются в своих первоосновах глобальными тенденциями процесса общемирового развития. Исходные рубежи этого процесса положены эпохой «косных» (физико-механических) тел, лишенных, казалось бы, каких-либо признаков жизни. Однако последующее появление собственно «живой» природы из недр косной свидетельствует, что последняя содержит в себе жизнь как одну из своих доминантных внутренних потенций, что жизнь является неотъемлемым свойством вселенского устройства.

Подлинный смысл становления «биотической» природы в мировой истории связан не с рождением жизни, а с ее дальнейшим развитием, обнажившим в противоположности духа и тела основную антиномию бытия в целом. Если в мире «косных тел» это глобальное соотношение носит еще зачаточный характер, когда особенность духа проявляет себя лишь в виде редких, случайных отклонений от телесной нормы, оставаясь в подавляющей массе процессов в неразличимом тождестве с ней, то в мире биотическом данное отношение обретает развитое состояние взаимодействующих противоположностей, где дух уже порождает необходимые формы своей самореализации, выражает свою частичную независимость

от телесного бытия. Однако в рамках биотической реальности определяющий центр развивающейся антиномии духа и тела все еще смещен к телесному полюсу, когда духовность, хотя уже и демонстрирует свою необходимую природу, все же следует в основном за телесностью, обуславливается ею как лидирующим фактором мирового процесса.

Следующий шаг вселенской истории представлен жизненным опытом человечества, которое, углубляя и усложняя тенденции биогенеза, утверждает в структуре мироздания равнозначность духа и тела, их взаимоположенность и частичную особенность, самостоятельность в отношении друг с другом, раскрывая этим действительную противоречивость, неоднородность мировой реальности. Если в начале истории человеческого рода, в период Дикости, действия людей определялись в основном природно-телесными реалиями их бытия с производной значимостью духовно-психических факторов их существования, то в эпоху Цивилизации раскрывает собственную зрелость и духовная сторона нашей жизни, когда историческое движение протекает под равным влиянием как материально-телесной, так и духовно-психической форм деятельности. Такая взаимная самостоятельность двух фундаментальных сил исторического процесса и стала во многом причиной глобальных проблем современности, глобального характера современного экологического кризиса, засвидетельствовавшего своей глубиной предельное расхождение между собой субъективно-духовных и объективно-телесных потенциалов нашей жизнедеятельности.

Разрешение этого обнаженного противоречия вселенской истории предполагает не просто «примирение» духа и тела в их формальном равенстве, уже фактически осуществленном в условиях Цивилизации в их взаимном противоборстве, в реальном антагонизме телесно-материальной и духовно-идеологической сфер существования человека, но требует преодоления именно этого их тождества, их равнозначности, обрекающей их на взаимопожирание, диктует необходимость дальнейшего развития мира и его обновления на путях усиления роли духовного начала в определении направлений телесно-материальной деятельности человечества, в русле кардинального развертывания исторического процесса к его духовному потенциалу, на основе универсализации духовной деятельности и углубления ее содержания до вселенских первоисточков. Грядущая эра истории человечества, призванная разрешить современные глобальные противоречия, должна стать эрой Духа человеческого, эрой Разума, эпохой Ноогенеза, культа духовной деятельности, освещающей перспективы и

разумные пределы реализации телесно-материальных форм жизненного процесса людей.

Разумная интерпретация мировой истории, предполагая ее непрерывность и цельность, допуская предельную реализацию всех ее внутренних возможностей, заставляет признать человеческую фазу ее осуществления всего лишь серединой, «сердцевиной» полного исторического цикла, вслед за которой мировое развитие будет обретать все более одухотворенный характер, все большую степень своего насыщения духовной энергией. В русле этого движения на смену собственно человеческой стадии истории Вселенной должна будет прийти эпоха «суперчеловеческой» жизни, в рамках которой телесный облик людей станет вполне определяться их духовным потенциалом, хотя и обнаруживая при этом незначительную степень своей самостоятельности, когда тело начинает служить прежде всего оболочкой духовного ядра, видением духа, его телесным откровением. В данном состоянии человечество изживет себя как телесно-материальную реальность, сохранив и обогатив себя в своем духовном измерении. В этом смысле такая «телесная смерть» не есть подлинная гибель, а представляет собой реализацию «сверхтелесного существования», сверхтелесной жизни. Вслед за ней должно прийти высшее, завершающее состояние Космогенеза — эра «внетелесного» его развития, где определенность тела становится лишь одной из внутренних возможностей разворачивающегося потенциала мирового духа.

Целостный и непрерывный характер развития мироздания предполагает в своем гармоничном осуществлении присутствие двух граней жизни — духовной и телесной — во всех уголках Вселенной, во всех особых формах ее организации, различающихся между собой лишь соотношением степеней их значимости в собственном функционировании. Человек, будучи средоточием, серединой мировой истории, обладает в равной мере способностью самореализации себя как в приоритетно-телесных, так и доминантно-духовных воплощениях мирового процесса. Такая центрированность человека в генезисе Мироздания раскрывает его как свободное существо, способное по своим задаткам и к достижению «сверхтелесного» состояния бытия и к нисхождению в недрах сугубо телесного существования. Реальность такого раздвоения людей на «одухотворенных» и «овеществленных» позволяет предполагать, что физическая смерть индивида является действительно гибельной лишь для человека «телесного», не развившего в должной мере свою духовную суть, привязавшего собственную жизнь к своим телесным запросам. «Одухотво-

ренный» же человек, утвердивший в своей земной жизни приоритет духовности над телесно-чувственными потребностями, может и должен надеяться, что с физической смертью жизнь его не прервется, а лишь обретет сверхтелесное существование, открыв ему реальность «загробной», «вечной» жизни.

Смерть не всесильна над человеком: тот сам выбирает для себя как жизнь духовную и вечную, так и кратковременность телесного удовольствия с последующим забвением в беспомощности смерти. В этом плане могильный крест служит символическим выражением субстанциональной свободы человека, его неотъемлемого права на выбор в ортогональных смысловых проекциях мироздания своей собственной судьбы, тайна которой откроется нам в полной мере уже за могильной чертой.